Искусство обхождения / рассказ

Category: Hekaýalar,Kitapcy
написано kitapcy | 21 января, 2025
Искусство обхождения / рассказ ИСКУССТВО ОБХОЖДЕНИЯ

I

…Какие только шутки не играет судьба с людьми, стремящимися к богатству. Словно юноша, влюбленный в красивую женщину, человек всю жизнь гоняется за ним. Уж, кажется, на все он готов, чтобы завладеть богатством, привязать его к себе. И все равно не дано ему насытиться до конца. Богатство сводит людей с ума, смеется, издевается над ними. А однажды, словно взбесившаяся река, прорывает плотину в неожиданном месте и уходит, как вода в песок, оставив человека ни с чем.
Вот и двадцатитрехлетний извозчик Мирзо Ахмад только ради будущей удачи согласился отправиться в далекий путь и в конце концов попал в такую глушь, которая поначалу казалась ему настоящим краем земли. Да что там! Сна он из-за мечты своей лишился: никак не мог отделаться от видения, как, доставив в целости и сохранности имущество Шарифджана-махтума, получает от него обещенное. Мысленно он эти деньги и пересчитал уже не один раз.
Бедность делает человека фантазером. Мирзо Ахмад всю жизнь мечтал досыта наесться пышного белого хлеба и жениться на одной из тех луноликих красавиц, что сводят с ума всех парней Бухары. Ничему другому в его мечтах места уже не оставалось…
В детстве он несколько лет учился читать и писать. Но то ли учитель ему попался плохой, то ли сам Мирзо Ахмад не рожден был для книжной премудрости – как бы там ни было, от той поры в его памяти сохранились одни упреки, которые слышал он и в мечети и дома. Потом его и вовсе перестали посылать к мулле. С утра до ночи носился он по Бухаре в поисках куска хлеба и, если удавалось его раздобыть, – засыпал счастливым сном.

Снилось ему, что находит он клад, становится богатым, и это было так прекрасно, что весь следующий день жил он воспоминаниями об этом чудесном и, как ему верилось, вещем сне. Когда Шарифджан-махтум, назначенный казы Керкин¬ского бекства, нанял его перевезти свои вещи, а напоследок сказал: «Если захотите, останетесь со мной. Я вас в обиду не дам», Мирзо Ахмад рассудил, что счастье наконец-то улыбнулось и ему. «Останусь, — решил он. — Хуже мне не будет. А не понравится — всегда могу уйти…» Мечты о настоящем, большом богатстве не давали ему покоя, и чтобы они осуществились, готов он был на любые испытания.

Удача, похоже, стала сопутствовать ему с самого начала путешествия. В обозе, состоявшем из трех подвод, повозка Мирзо Ахмеда была посередине, и всю дорогу он мог спокойно предаваться мечтам. Когда передняя подвода останавливалась, натягивал вожжи и он, когда трогалась с места, Мирзо Ахмад следовал за нею. Лишь когда дорога привела их в густые заросли, что тянулись по правому берегу Амударьи, на сердце сделалось немного тревожно.

А когда до границы Керкинского бекства оставалось уже совсем немного, им повстречались всадники-туркмены в шелковых халатах и черных папахах. Их было пятеро, выглядели они воинственно, и не похоже было, что они уступят дорогу мирным путникам. Шаджан, что правил передней подводой, съехал на обочину, а когда всадники проезжали мимо, сказал с укоризной:

— Так гостей разве встречают?

— Молчи, если тебя не спрашивают! — прикрикнул на Шаджана Шарифджан-махтум.

Мирзо Ахмад смотрел на всадников, словно зачарован¬ный, глаз не мог отвести и дрожал мелкой дрожью, мысленно он уже распростился с жизнью. Даже когда всадники проехали мимо, он долго еще не мог успокоиться. Все ждал, что те вернутся, чтобы ограбить их беззащитный караван. «Ох, беда, Мирзо Ахмад, жадность тебя погубила, — в мыслях причитал он, придумывая слова, какими станет молить разбойников о пощаде. — Жилось тебе хоть голодно, да спокойно, а теперь душу отдашь ни за грош…» Но время шло, а всадники не возвращались, и в конце

концов Мирзо Ахмад решил, что на этот раз беда миновала. Он с облегчением вздохнул, стер со лба холодный пот, и принялся торопить свою лошадку – «Чув! чув!».
Вскоре дорога, долго петлявшая в прибрежных джунглях, вывела их к небольшому селению. Его обитатели ждали их. За главного был у них богатырского сложения человек. Когда возок Шарифджана-махтума приблизился, он почтительно склонил голову. Шарифджан-махтум слез с подводы и холодно поздо¬ровался со встречавшими.
– Добро пожаловать в наши края, Шарифджан-махтум! – произнес богатырь, выступив вперед. – Уже неделю ждем вас, глаз с дороги не спускаем. Я тревожиться начал, что вы не через Керкичи проследуете, минуете наши края. Рад, искренне рад нашей встрече. Уж коль ступили ногой в пыль нашего селения, прошу отведать у меня хлеба-соли.
Казы как-то нехотя приказал Шаджану свернуть в село. Мирзо Ахмаду не понравилось, что Шарифджан-махтум сидит в повозке с отреченным видом, словно не замечая радости встречающих. Хеким-пальван – так звали богатыря – то мчался вперед на своем светло-сером жеребце, то возвращался, но все время с его лица не сходила широкая радушная улыбка. Мирза Ахмаду хотелось, чтобы и его хозяин столь же радушно улыбнулся Хаким-пальвану.
К счастью гостеприимный хозяин не замечал холодности казы.
– Мы очень рады вашему приезду, – в который уж раз заверял он почетного гостя. – Люди-то совсем распоясались. Если не призвать народ к порядку – добра не дождемся. Есть в крепости один писарь, Бабыр Хайит оглы зовут. Ведет себя дерзко, только и слышишь от него, что он писарь казы, что все дела идут через его руки, что без него в бекстве ни один вопрос не решается. Сколько раз я просил бека, чтобы этого наглеца убрали от нас. А он всякий раз отвечал, что решит этот вопрос, когда прибудет из Бухары казы… Предупреждаю вас, Шарифджан-махтум, если сразу за Бабыра строго не возьметесь, трудно потом с ним сладить будет.
Мирзо Ахмад, полулежа на своей телеге, не отрывая глаз следил за Хекимом-пальваном. Ему нравилась его уверенная посадка в седле, его спокойная рассудительная речь. Хотелось иметь такой

же блестящий и ладный, как у него, шелковый халат, такого же горячего красавца-жеребца. «Живет, видно, как его душе хочется. Да, — мечтал Мирзо Ахмад, — только так жить на свете и стоит». А когда увидел он четыре белые восьмикрылые кибитки и сколько людей бегают, прислуживая баю, ловя на лету всякое его приказание, и какие вкусные угощения готовят для гостей, его мечта о богатстве сделалась почти невыносимой.

А уж какое замечательное угощение выставили перед гостями из Бухары! Ни на кого не обращая внимания, Мирзо Ахмад торопливо уплетал яства, о многих из которых прежде даже не слышал, — вот уж набил брюхо. А потом Хеким-пальван подарил каждому гостю по красивому теплому халату-дону — разумеется, Шарифджану-махтуму еще кое-что досталось. Такое обхождение Мирзо Ахмад видел впервые в жизни.

Он снял свой потрепанный халат и надел новый, полученный в подарок. Ему казалось, что нет на свете человека радушнее и щедрее, чем Хеким-пальван. Еще ему вспомнилось предложение Шарифджана-махтума: «Если захотите, останетесь у меня. Я вас не дам в обиду». А что, совсем неплохо ездить вместе с казы по селам, получать подарки. От одной этой мысли он почувствовал себя счастливым и богатым. Лишь одно огорчало — в крепости их ждет встреча с надменным и жадным человеком, каким представлялся ему Бабыр Хайит оглы. Пребывая после сытного обеда в умиротворенном состоянии, Мирзо Ахмад лениво думал о том, что неплохо бы и Бабыру быть таким же щедрым, как Хеким-пальван, но определенно в этом мире нет совершенства.

До городка добрались, когда уже начало темнеть. Мимо шли люди, не обращая на их обоз никакого внимания. По тому, как беспокойно ерзал на передней подводе Шаджан, Мирзо Ахмад догадался, что тот весьма огорчен таким безразличием керкинцев, однако помалкивает, помня выговор, полученный днем от Шарифджана-махтума. И лишь когда доехали до базара и остановились у небольшого дома, из которого через некоторое время после того, как Мирзо Ахмад обухом плети постучал в тускло светящееся окно, вышел красивый мужчина лет пятидесяти, Шаджан не удержался и проворчал:

— Разве гостей так встречают?

— Я гостей не звал, — холодно ответил Бабыр Хайит оглы, ибо кто это еще мог быть. Говорил он на фарси.
— Слышите, Шарифджан-махтум, что он говорит? Да он еще наглей, чем нам о нем говорили. Гнать его надо! — Мирзо Ахмад соскочил со своей телеги и вплотную приблизился к Бабыру. — А ну, убирайся отсюда!
Однако руку на него Мирзо Ахмад поднять не посмел, оглянулся, с надеждой посмотрел на казы. Тот равнодушно глядел куда-то вдаль, словно происходящее его ничуть не касалось. Пришлось Мирзо Ахмаду отступить.

Бек распорядился временно выделить Шарифджану-махтуму под казыхану помещение в караван-сарае. Там казы поселился, там же была его приемная. Когда рано утром Мирзо Ахмад по приказанию хозяина открывал ставни, это означало, что казы готов к приему просителей. Бабыр Хайит оглы по-прежнему сидел под навесом с левой стороны от базара, и с утра до заката вокруг него толпились люди. Желавшие обратиться к казы шли сначала к его писарю и объясняли ему, на что жалуются. Выслушав их, Бабыр Хайит оглы писал прошение на имя казы, с которым просители шли к Шарифджану-махтуму. Кроме этого Бабыр Хайит оглы переписывал разные бумаги, которые приносил ему от казы Мирзо Ахмад. По пять — шесть раз за день приходилось тому пересекать базарную площадь. В остальное же время (разумеется, если казы не отправлялся в поездку) Мирзо Ахмад дремал, сидя в прихожей казыханы. Он быстро привык к этой легкой работе и Керки теперь не казались ему краем света, как прежде. Да и керкинцы оказались вовсе не такими зловредными, как представлялось ему вначале. Особенно же ему нравилось, что люди почтительно называют его кучером достопочтимого господина казы.
Однажды, направляясь к Бабыр Хайит оглы с бумагой от казы, Мирзо Ахмад встретил Хеким-пальвана. Тот, обычно улыбчивый, на этот раз выглядел удрученным. Похоже богатырь был не в духе. Однако, заметив Мирзо Ахмада, он изобразил на своем лице подобие улыбки.
— О-о, Мирзо-джан! Как дела? Как поживает господин казы? Что-то давно вы к нам в гости не заходили?

— Вообще-то собирались, — Мирзо Ахмаду не хотелось огорчать гостеприимного богатыря. — Что-то вы, Хеким-ага, выглядите нынче невесело? Не заболели ли?
— Пока жив-здоров этот проклятый Бабур Хайит оглы, мне не до веселья, Мирзо-джан. Не возьму в толк, чем он так дорог и беку, и казы? Давным-давно пора от него избавиться. — Внезапно тусклые глаза Хекима-пальвана засверкали веселым огнем. — Мирзо-джан, неужто ты с этой работой не справишься?
— Вряд ли, — честно признался Мирзо Ахмад.
— Это почему же «вряд ли»? Не скромничай. В самой Бухаре грамоте учился. Избавь нас от этого негодяя.
Слушая Хекима-пальвана, можно было подумать, что лишь от желания самого Мирзо Ахмада зависит быть ли писарем Бабыру или нет. Что ж, откровенно говоря, Мирзо Ахмад, скучая в прихожей казыханы, не раз воображал себя на его месте, в окружении множества просителей, чья судьба зависит от того, как он, Мирзо Ахмад, представит их дело в прошении.
— Согласится ли Шарифджан-махтум?
— Мы, все жители бекства, будем просить об этом достопочтимого казы. А уж если удастся нам избавиться от этого выскочки, получишь от меня, Мирзо-джан, хороший подарок.

Прошло немного времени и Мирзо Ахмад из прихожей казыханы перебрался под навес, что с левой стороны от базара. Теперь с утра до вечера переписывал он приказы казы и составлял прошения на его имя, и у него уже не оставалось времени, чтобы вздремнуть днем, как бывало. К вечеру правая рука делалась, точно деревянная. Но стоило вспомнить, как люди подарками или деньгами благодарят его за работу, усталость сразу проходила.
Во всяком деле есть свои секреты. Был такой секрет и в его новой работе. Однако Мирзо Ахмад постиг его без труда: главное — не спешить. Это просителю хочется, чтобы его жалобе тотчас дали ход, чтобы все делалось в сей же миг. А писарю торопиться некуда: чем дольше приходиться людям ждать, тем больше они ценят труд Мирзо Ахмада. Открыв этот секрет, Мирзо Ахмад придумал несколько уловок, позволяющих ему волокитить любую просьбу. И так, можно сказать — своим собственным умом, он

нашел тропинку, что привела его, вчера еще нищего бухарского арбакеша, к дверям изобилия. Мирзо Ахмад был уверен, что эта тропка еще выведет его к настоящему богатству, а он уж постарается пройти этой дорогой побыстрее, да не сбиться с пути, как иные. «Ждите!» — приказывал он просителям, изображая, что занят неотложными делами. Сам же, так как делать было нечего, предавался философским размышлениям о том, что не только писарю, но и всякому богатому человеку приходится прибегать к этой нехитрой уловке, чтобы заставить других раскошелиться. Только теперь он догадался, почему так холоден и строг был Шарифджан-махтум, когда они гостили у Хекима-пальвана. Чем больше люди боятся тебя, тем сильней уважают. Слава Аллаху, что есть еще простаки, которые не постигли этой истины — без них было бы куда сложней зарабатывать деньги. Ничего, успокаивал себя Мирзо Ахмад, на мой век простаков хватит, а уж я сумею пройти сквозь узкую, как игольное ушко, дверь, что ведет к богатству.

Поначалу Мирзо Ахмад изредка испытывал неловкость, когда приходилось и так, и эдак намекать недогадливому просителю, что от него требуется. Теперь хорошо. Теперь все знают, что любая его услуга заслуживает особой благодарности. Хорошо иметь дело с богатыми, такими, например, как Хеким-пальван. Уж они-то знают, как сделать человеку приятно! Мирзо Ахмад привык, что его теперь каждый день приглашают куда-нибудь в гости и принимают как человека приближенного к беку и казы, их личного советника.

За какие-то полгода Мирзо Ахмад сильно переменился: походка его сделалась степенной, неторопливой, речь — сдержанной и в то же время властной, лицо стало каким-то просветленным. Хотя каждый день приносил он домой не так уж много — всякому известно, что богатство прирастает постепенно — скоро в его каморке стало тесно от вещей. Уже не всякий подарок его радовал, и все чаще казалось Мирзо Ахмаду, что его усилия не сумели оценить по достоинству — чем больше человек имеет, тем больше ему хочется.

Прошло немного времени и Мирзо Ахмад перебрался в собственный дом, а вскоре стало ему казаться, что все на свете можно

купить. Но, увы, как он ни старался, добиться расположения Шарифджана-махтума ему так и не удалось. Казы придирался к малейшей ошибке, раздражался из-за пустяков и, что обидней всего, всякий раз вспоминал Бабыра Хайита оглы, сожалел, что отказался от его услуг. Вот этого Мирзо Ахмад понять не мог. Разве не естественно, что земляк помогает земляку. Иной готов в лепешку расшибиться, лишь бы помочь родственникам и односельчанам. Отчего же Шарифджан-махтум не хочет поддержать своего человека, бухарца. Возможно, у Бабыра Хайита есть какие-то достоинства, да что из этого. Не зря же говорят, что умным не дано быть счастливыми. Мирзо Ахмад так ненавидел своего предшественника, что порой готов был убить его. Как-то мелькнула мысль нанять лихих людей, которые разделаются с соперником. Жадность уберегла Мирзо Ахмада от греха: представив во сколько это может обойтись, он отказался от своего намерения.

Шарифджан-махтум, который поначалу казался Мирзо Ахмаду верхом совершенства, чуть ли не ангелом божьим, теперь утратил в глазах писаря многие привлекательные черты. Казы жесткий и бесчувственный человек. Мирзо Ахмад понял это после одного малоприятного случая. Он возвращался домой, когда ему встретился Шарифджан-махтум. От неожиданности свертки и узелки, которые Мирзо Ахмад нес на руках перед собою, повалились в дорожную пыль. «Я ничего у них не прошу, — лепетал он, дрожа от страха. — Они сами… Не бросать же добро…» Шарифджан-махтум ничего не сказал, но взгляд, которым смерил его казы, был таким презрительно-ледяным, что и теперь, спустя время, Мирзо Ахмаду делается не по себе при одном воспоминании о той уличной встрече. Возможно, следует делиться с казы подношениями и тогда он сделается подобрее. Кажется, чего проще, да только Мирзо Ахмаду никак не удается перебороть себя. Несколько раз он был уже на полпути к казиату, но какая-то непреодолимая сила в последний миг останавливала его. С какой стати он должен делиться?

Обида на казы и страх перед ним не дают Мирзо Ахмаду по настоящему насладиться обретенным достатком. Что толку в вещах и деньгах, если даже пиалу чая не можешь выпить без того,

чтобы не пробежал по спине холодок от одной мысли о казы. Как славно могло бы все сложиться, думает порой Мирзо Ахмад, если бы Шарифджана-махтума перевели в другой велаят! Мирзо Ахмад — казы Керкинского бекства… А что, разве он хуже других?.. В конце концов казы только принимает окончательное решение, которое, составляя прошения, подготавливает — кто?.. Ну, конечно же, писарь! Так что, имея толкового помощника… Однако тут, мешая мечтать, в голову отчего-то лезет мысль о Бабыр Хайит оглы…

Однажды, прогуливаясь берегом Амударьи, Мирзо Ахмад повстречался с ним. Случайно. Какой-то человек сидел у самой кромки воды и смотрел вдаль.. Мирзо Ахмад остановился неподалеку, пытаясь понять, что тот высматривает в волнах стремительно бегущей реки. Почувствовав его присутствие, незнакомец оглянулся и оказалось, что это проклятый Бабыр Хайит оглы.

— Бабыр! — удивленно воскликнул Мирзо Ахмад. — Ты что здесь делаешь?

— На воду смотрю, — равнодушно произнес Бабыр.

— А чего на нее смотреть. Река — она и есть река.

— Не скажи. Эта река — особая. Смотри, раньше она вон там протекала, а здесь, где сейчас течет, было старое сухое русло. Кто думал, что река в него вернется? А кто скажет, где побегут ее воды завтра. Нет, эта река на другие реки не похожа: ей тесно в берегах. Один день воды свои несет с шумом, с ревом, а сегодня — слышишь, как тихо…

— Да ну ее! — Мирзо Ахмад махнул рукой. Он присел рядом с Бабыром и пристально посмотрел ему в лицо. — За что тебя любит Шарифджан-махтум?

— Любит? Если бы любил, то не прогнал бы.

— Да он бешеный, точно эта река. Не сегодня-завтра и меня прогонит.

— Будет гнать — уходи. Писарская служба не лучшая на свете. Я ничуть не жалею, что ушел. Надо было раньше ее бросить. Возраст у меня уже немолодой, а приходится все с пустого места начинать. Да и это не страшно. Знаешь, честный хлеб из джугары слаще меда…

— Ты где живешь сейчас?
— В селе. Городская жизнь не для меня. Другим нравится, а мне нет. Я дайханин, пахарь. Слепил себе домишко. Есть немного земли. Прирабатываю, батрачу. Словом, с голоду не умру.
— А как люди отнеслись к твоему возвращению? Ведь ненавидели тебя.
— А что люди?.. Это Хеким-пальван меня ненавидел за то, что не стал вместе с ним козни строить. Народ у нас завистливый. Вместо того, чтоб гордиться, если земляк в гору пошел, высокую должность занял, норовят всеми правдами и неправдами снова мордой в грязь его ткнуть. А чужаку, будь он хоть трижды дурак, готовы точно богу молиться.
— Это отчего же?
— Гордыня людская. Чужаку-то, если надо, не стыдно и в ноги упасть. А к земляку с просьбой обратиться — ниже своего достоинства считают. Как позор, как обиду… Не все, конечно, — богачи. Ты мои слова на свой счет не принимай. Говорю так, потому что зол, — Бабыр тяжело вздохнул. — Идем ко мне в гости. Посидим, поговорим, душу отведем. Посмотришь на мое житье-бытье.
— Нет-нет! — торопливо отказался Мирзо Ахмад. Он быстро встал и посмотрел на Бабыра как, если бы видел его впервые. — А что у тебя дома?
Бабыр пожал плечами.
— Ничего. Разве обязательно повод нужен, чтоб в гости сходить? Просто попьем чайку, поговорим.
— Как-нибудь в другой раз, — чуть слышно проговорил Мирзо Ахмад. Ему было тягостно и хотелось побыстрей расстаться с Бабыром.
А тот, похоже, уже забыл о своем собеседнике. Отсутствующим взглядом смотрел на стремнину, точно хотел в мутной воде Джейхуна* отыскать ответ на мучавшие его думы.
Когда через несколько дней после этой встречи Мирзо Ахмад ранним утром получил приказ немедленно явиться в казыхану, сердце его тревожно затрепетало в предчувствии недоброго. По пути к дому Шарифджана-махтума он и то, и это предположил, но в конце концов остановился на том, что его оговорил проклятый

Бабыр. Однако, как это часто бывает, действительность превзошла ожидания.
Если в дом казы Мирзо Ахмад вошел встревоженным, то вышел из него и вовсе с разбитым сердцем. Произошло то, что раньше или позже должно было случиться. «Все кончено, — шептал он. — Все, все пропало». Он шел, спотыкаясь на ровной дороге, словно слепец, ибо глядел в будущее и в глазах у него было черно от страха. Не будет больше подношений, пиров, где восседал он на почетном месте, с собственным домом придется расстаться и хорошо еще, если казы согласится вернуть его на прежнюю кучерскую должность.
Как радовала она его некогда, и какой ненавистной, даже унизительной представлялась ему теперь. Мирзо Ахмад готов был на все, лишь бы избежать ожидающей его позорной участи. Как трудно отказаться от привычного уклада жизни! Один бухарский купец умер от разрыва сердца, когда ему сообщили, что он ограблен и разорен. Вспомнив о нем, Мирзо Ахмад прислушался к биению своего сердца.
Он пришел под свой навес, разогнал ожидавших его просителей, достал чернильницу и перья, положил перед собой лист бумаги. «Что же можно придумать?» — проклятый вопрос разламывал ему голову, но ничего путного придумать не мог. Он набросал несколько фраз, прочел их и скомкал лист, отбросил его в сторону. Взял новый, но и на этот раз получилось не лучше. Выходило похожим на те прошения, что он писал для желавших обратиться к казы. Мирзо Ахмад стал думать о том, что, может, и в самом деле лучше продать дом и вернуться в Бухару.
— Не скажите ли, где находится казиат?
Он поднял голову, посмотрел, кто это его тревожит. Перед ним стоял юноша, невысокий, с большой лобастой головой. И по разговору, и по одежде сразу было видно, что он не из местных. Мирзо Ахмад объяснил, как найти казиат, а потом прибавил:
— Только не советую сегодня обращаться к нашему казы. С самого утра зол, как раненый тигр. Чуть не сожрал меня.
— Из-за чего же?
— У старшего брата казы родился ребенок, но по воле Аллаха другой, который уже начал ходить, в тот же самый день внезапно

скончался. Казы приказал составить подобающее случаю письмо. Но мыслимо ли, чтобы на одной ветке росли кислые вишни и сладкий инжир. То ли казы с горя лишился рассудка, то ли решил таким образом от меня, несчастного избавиться.
— Если позволите, я попытаюсь вам помочь.
Мирзо Ахмад с надеждой посмотрел на незнакомца. Неужели Аллах услышал его сетования?
— О, если вы поможете составить это письмо, поверьте, я сумею вас отблагодарить. Достану все, что ни пожелаете. Поймите, от этого проклятого письма зависит мое будущее.
Юноша его уже не слышал. Пристроившись у стола, он уже что-то писал четким красивым почерком. Перо, такое тяжелое и неуклюжее в руке Мирзо Ахмада, теперь легко и стремительно скользило по бумаге: «Печально, когда приходиться обрезать у дерева только что зазеленевшую ветвь. Но, согласно мудрому установлению Природы, это позволяет расти новым сильным ветвям, от которых крона дерева сделается еще пышней и гуще. Вместе с этими словами утешения, дорогой брат, примите мое искреннее поздравление с рождением сына — да будет ему по воле Аллаха уготована долгая и счастливая жизнь!».
Жалея, что нельзя отдать написанное юношей, Мирзо Ахмад переписал письмо и, оставив незнакомца сторожить свое имущество, побежал к Шарифджану-махтуму.
Он вернулся через четверть часа, радостный и веселый.
— Я ваш вечный должник, — говорил он, задыхаясь от счастья, сжимая руку своего спасителя в своих влажных от волнения ладонях. Казы был очень доволен. «Как это верно, — сказал он. — Подобное мне и в голову не приходило». Век не забуду вашу услугу. Приглашаю вас к себе домой. Отведаете моего угощения и уйдете не с пустыми руками.
— Стоит ли беспокоиться, — начал отнекиваться незна¬комец.
— Нет-нет, вы непременно должны быть моим гостем! — наступал Мирзо Ахмад.
— Но сейчас мне надо к Шарифджану-махтуму. Я приехал к нему и пробуду здесь несколько дней.
— Вот и славно. Тогда приглашаю вас вечером и, конечно же, вместе с нашим уважаемым казы. Я недавно купил здесь домик.

Все хотел пригласить Шарифджана-махтума на новоселье. Я ведь, если откровенно, всем ему обязан. Вот и предоставился хороший случай отблагодарить моего благодетеля. — Внезапно Мирзо Ахмад умолк, обдумывая что-то. Потом произнес извиняющимся тоном: — О-о, я и не подумал, что сегодня вам захочется побыть с Шарифджаном-махтумом наедине, вам-то наверняка есть о чем поговорить… Но завтра, да, завтра вы обязательно мои гости. Дого¬ворились? — И не ожидая ответа прибавил. — Я надеюсь, вы не скажите казы, что помогали составить это письмо…

Странно, но радостное волнение, в каком Мирзо Ахмад пребывал, впервые заслужив благодарность казы, очень быстро улетучилось, а вместо него в душу закралось беспокойство, которое с каждым часом нарастало. Домой он отправился без настроения, а когда прикинул во сколько обойдется прием, достойный казы и его молодого гостя, то расстроился так, словно его ограбили.

На следующий день, сидя под своим навесом, Мирзо Ахмад то и дело воровато посматривал по сторонам. Все ему чудилось, что также внезапно, как давеча, рядом с ним окажется гость Шарифджана-махтума. Но этого не произошло, и вечером, когда Мирзо Ахмад подсчитал полученную за день мзду, к нему вновь вернулось хорошее настроение.

Была у них еще одна встреча. Он увидел юношу, когда приходил к Шарифджану-махтуму. Холодно поздоровался, осведомился, когда тот собирается уезжать.

— Сегодня. Пора домой.

— Жалко. Так и не погостил ты у меня. Когда в следующий раз приедешь, обязательно заходи. Если мой дом не навестишь — честное слово, обижусь. — Не ожидая ответа Мирзо Ахмад поспешил к двери — на базарной площади его ожидали просители.

II

Никогда прежде Садриддину не приходилось сидеть на таком жеребце — настоящих благородных кровей, высоком, норовистом, и, наверно, поэтому, занося ногу в седло, он внезапно испытал острое чувство холодящего сердце страха. С трудом устроился в седле нетерпеливо бьющего копытом коня. Однако и жеребец, видимо, испугался незнакомого человека в непривычной одежде, коротко заржал и рванулся вперед. Боясь, как бы не свалиться

на землю, Садриддин крепко прижал ноги к бокам лошади, до боли в пальцах ухватился за луку седла. Через некоторое время конь успокоился — шагом пошел по знакомой дороге.

Погода, похоже начала, меняться — дышать стало легче, встречный ветерок студил щеки. Постепенно Садриддин освоился, поудобнее устроился в седле, разжав занемевшие от напряжения пальцы, нашел запутавшийся в короткой редкой гриве повод. Одернул халат, поправил съехавшую на затылок чалму и исподтишка посмотрел на Хекима-пальвана, который ехал рядом на своем сером красавце-жеребце. Интересно, заметил ли он, что Садриддин чуть не свалился с коня? Великану, похоже, было не до него — широкая улыбка озаряла его лицо, которое так и лучилось благодушием.

Садриддин был доволен своим прибыванием в Керки, здесь нашлось немало занятного. Собственно, и пригла¬шение Хекима-пальвана он принял в основном из-за любопытства — интересно было проехаться верхом на лошади, осмотреть окрестности, посетить село, где живет знакомый брата. Провожая Садриддина в Керки, тот попросил: «Розыщи Хекима-пальвана и передай ему от меня привет». Когда Шарифджан махтум отказался посетить Хекима пальвана, Садриддин почувствовал себя неловко — ведь он был гостем казы. Тот сослался на срочные неотложные дела, потом отозвал Хекима-пальвана в сторонку и шепотом дал ему какие-то наставления — Хеким слушал их с выражением преданности на лице, время от времени кивал в знак согласия.

По обе стороны широкой тропы тянулись густые заросли. То слева, то справа слышалось токование кеиликов; однажды из кустов чуть ли не под ноги лошадям выпорхнул красавец-фазан, но те не испугались, видимо, привычные к этому. Щедрость и великолепие окружающей природы наполняли душу благоговением и восторгом — не это ли благословенный Гулистан, воспетый великим Саади?..

— Жаль, что Шарифджан махтум не смог поехать с нами, — Хеким-пальван точно прочитал мысли своего спутника. — Я очень предан казы, Садриддин. Он был моим гостем, когда только направлялся в Керки. Я первым встретил его здесь, первым потчевал его на этой земле хлебом-солью. Двух баранов зарезал, сладости и

фрукты привезли из самого Чарджоу. На прощание и Шарифджана махтума и всех его слуг одарил щедро. Странно, но он почему-то меня сторонится. Может боится, что я вздую кого-нибудь, а ему потом придется меня выгораживать? — Хеким-пальван расхохотался, довольный своей шуткой. — Годы уже не те — и возраст, и положение уже не позволяют вашему покорному слуге драться, как прежде… Наш казы умный и образованный человек, только очень уж замкнутый. Домосед. Скучной жизнью живет — ни развлечений, ни приятелей. Удивляюсь даже, неужели ему никогда не хочется развеяться? Жизнь, дорогой, мчится так, что за ней трудно угнаться. Оглянуться не успеешь, а она уже окончилась. Подойдет срок, когда будет не до развлечений, так со мной хоть память о веселых днях останется. А Шарифджан-махтум сидит целыми днями в четырех стенах и дышит книжной пылью. Откровенно говоря, книги ему и друзей, и детей заменили… А так не годится, ведь он не просто ученый какой-то — казы, государственный человек. По-моему, он даже не осознает насколька важна и влиятельна его должность. Но он живет затворником, и потому здесь его мало кто знает, и — что больше всего меня огорчает — не могут люди оценить его по достоинству. Между нами говоря, спроси кого-нибудь о Шарифджане-махтуме, скорей всего удивится — кто это, мол, такой. Зато уж Хекима-пальвана здесь знает каждый. Не все, конечно, добром поминают…

— Это отчего же? — невольно вырвалось у Садриддина. Ему даже стало неловко: пожалуй, вопрос был слишком уж прямолинейным. Хекима-пальвана это ничуть не смутило.

— Жизнь, дорогой Садриддин, тяжела и жестока. Она принуждает человека быть таким же, как она сама. Кто не способен бороться, жизнь свою проживет рабом, вечно суждено ему только прислуживать. Как ни горька правда, но добрый, совестливый человек никогда не достигнет вершин власти, да и богатства настоящего добыть себе не сумеет…

Хеким-пальван выбрал окольный путь, чтоб и в соседнем селе увидели его с гостем из Бухары. Заметив всадников, люди выходили к ним, и Хеким-пальван приветливо заговаривал с каждым, расспрашивал о житье-бытье, о видах на урожай.

Когда выехали на поля, встретился им старик-дайханин. Хеким-пальван натянул поводья.
— Саламалейкум, Мамед-ага!
— Валейкум эссалам, как поживаете? — Старик поднял голову, сощурив подслеповатые глаза всматривался в лица всадников.
— Не узнаешь меня, что ли, Мамед-ага?
— Извини, сынок, не узнал. Ты уж не обижайся — совсем плохо видеть стал. Когда кто рядом стоит, так еще разгляжу лицо, а если против света…
— Я Хеким. Хеким-пальван.
— Ба-а, тот самый Хеким-пальван?.. — Старик заслонил глаза от света ладонью. — Оказывается и твой голос может звучать ласково…
Хеким-пальван с досадой крякнул, пришпорил своего серого жеребца.
— Вот, Садриддин, каковы люди: доброго обхождения не понимают. — Хеким-пальван не скрывал своего огорчения. — А еще говорят, что добро будет замечено. Нет, чуть уступку дашь, враз с тобой перестанут считаться. Сами заносятся до небес, а тебя считают чуть ли не обязанным им добро делать…
У Хекима-пальвана их уже ожидали пять-шесть человек. Они приняли у Садриддина поводья, уважительно поздоровались с ним. Хеким-пальван представил гостю каждого из встречавших.
— А теперь, дорогой Садриддин, прошу в дом. — Широким, плавным взмахом руки Хеким-пальван пригласил гостя войти в белую восьмикрылую юрту. Услужливо распахнув перед ним двустворчатую дверь, пропустил Садриддина вперед. Сам усадил его на почетном месте во главе дастархана на постеленных в два слоя мягких цветастых тюфячках, а потом, словно боясь, что кто-то займет место по соседству с его гостем, торопливо устроился рядом. Хеким-пальван не отрывая глаз любовался притихшим, смущенным Садрид¬дином, лишь изредка удостаивая взглядом других гостей, своих односельчан, что деликатно, в полголоса пере¬говариваясь меж собой, рассаживались вокруг.
Садриддин не без удивления разглядывал выставленное в честь его приезда угощение. Хеким-пальван не поскупился. Чего здесь только не было: пышные, с блестящей, точно лаковой, корочкой

лепешки хлеба соседствовали с мисками полными отварного сочного мяса, запотевшие расписные кувшины с агараном чередовались с красивыми, причуд¬ливыми бутылками французского коньяка и еврейской пасхальной водки, теснились блюда с нарезанными ровными ломтиками и с выдумкой разложенными сырами, с громадными, что кулак Хекима-пальвана, краснобокими яблоками, с гроздьями янтарного винограда, с ломтями дыни гаррыгыз, источавшими райский аромат, — Садриддин и вообразить не мог, что удастся увидеть подобное в глухом селе, затеряном на дальней окраине эмирата.

Двери осторожно отворились, вошли несколько благообразных старцев и поприветствовали собрание.

— Вот, Хеким-ага, решили зайти. Говорят, у вас именитый гость из святой Бухары, пришли поздороваться…

Пришедших усадили. Устроившись поудобнее, аксакалы, как и остальные гости, принялись разглядывать Садриддина. Одни наблюдали за ним исподтишка, другие таращились откровенно, буравили взглядами. Рядом с могучим хозяином тщедушный, скромно одетый молодой человек казался и вовсе мальчишкой — трудно было поверить, что это и есть тот самый ахун, который, по словам Хекима-пальвана, приехал проверять работу керкинского казы Шарифджана-махтума.

Один из гостей, полный мужчина средних лет, как бы между прочим спросил о том, что волновало всех собравшихся:

— Хеким-ага, а почему Шарифджан-махтум не приехал?

— Очень хотел приехать — сами знаете, как мы с ним дружны, — только жаль, срочные дела помешали. Ничего, как-нибудь в другой раз — ему дорога в наш дом знакома. Шарифджан-махтум до сих пор вспоминает, как я его в тот раз принял… — Хеким-пальван разгладил свои красивые холеные усы. — Ну да ладно, главное, Садриддин наш дом почтил, оказал уважение. С казы мы всегда посидеть сможем, а Садриддин из самой Бухары приехал…

Хеким-пальван был само благодушие, от его утрешней суетливости не осталось и следа. Чувствовалось, что он уже достиг своей цели: еще долго земляки будут вспоминать, как у него гостил ахун из Бухары…

Садриддину сделалось скучно. Вспомнился первый день в Керки,

встреча с Шарифджаном-махтумом.
…Стоявший в дверях слуга, преградил Садриддину дорогу: «У нашего уважаемого казы сейчас два посетителя». Садриддин присел на край суфы, оглядел просторную комнату, где просители ждали приема. Садриддин хотел увидеть хоть что-то, что напомнило бы ему о присутствии здесь Шарифджана-махтума, но все вокруг было чужим, холодным, не то что в бухарском доме его благодетеля, где каждый камешек в маленьком саду, каждый кирпич в стене, казалось, хранил душевное тепло хозяина дома.
Из-за неплотно прикрытой двери доносился знакомый голос:
— Раз вы объяснились, в знак примирения пожмите друг другу руки. Пожмите так, словно ничего между вами не было. Э-э, нет, так не годится. Вот, это другое дело! А я положу свою ладонь поверх ваших рук. И не ссорьтесь впредь. Стоит ли завистью и неприязнью омрачать счастливые дни, отпущенные нам Аллахом…
Шарифджан-махтум вышел вслед за дайханами. Увидев Садриддина, остановился, словно не веря своим глазам, потом сжал его ладонь в своих.
— Смотрите, кто приехал! Я места себе не находил, все переживал, как ты доедешь. — Коренастый, широкогрудый Шарифджан-махтум заключил Садриддина в объятия. Потом, все еще держа его за плечи, отстранился, любуясь своим гостем. Он широко улыбался, а глаза предательски заблестели. — По письму, которое принес сегодня мой писарь, я сразу догадался, что в наших краях появился грамотный, образованный человек. Так это был ты? Что ж, тебе полагается награда. — Шарифджан-махтум открыл сундук, что, заменяя скамью, стоял у входа в его приемную, достал оттуда нарядный шелковый халат, накинул его на плечи Садриддину. — Оказывается, дорогой Айни1, ты не только стихи писать мастер…
Наблюдая за воодушевленным Шарифджаном-махтумом, Садриддин искренне порадовался тому, что решился на дальнее путешествие. Теперь-то уж они наговорятся вволю, отведут душу! Как разнятся люди и как, в общем-то, ничтожны бывают поводы, что сближают или ссорят их. Сделает тебе кто-то добро — ты помнишь его всю жизнь и полон благодарности этому человеку. Неужели мир несовершенен лишь потому, что творить зло легче, чем совершать

добрые поступки?..
Он был еще ребенком, когда Шарифджан-махтум — главный казы Бухары, посетил их дом, чтобы услышать его стихи. А потом вынес приговор, который определил будущее Садриддина: «У мальчика острый ум, ему следует учиться». Садриддина отвезли в Бухару, в медресе. Правда, если бы не поддержка Шарифджана-махтума, вряд ли это учение продлилось бы долго — откуда в бедной дайханской семье деньги, чтобы оплачивать его пребывание в городе. Шарифджан-махтум приютил Садриддина в своем доме.
Сюда приходили самые талантливые и образованные люди Бухары. Их беседы, при которых Садриддин непременно присутствовал, дали ему не меньше, чем учеба в медресе. А еще Шарифджан-махтум позволил ему беспрепятственно пользоваться своей библиотекой. В доме казы Садриддин впервые прочитал Хафиза и Джами, Навои и Фирдоуси. Разве можно забыть такое?! «Здесь тоскливо, — писал ему Шарифджан-махтум из Керки, — не с кем словом перемолвиться, и как не хватает мне умного, влюбленного в поэзию собеседника, чтобы вволю наговориться, как бывало в Бухаре. Как хорошо, если бы ты был рядом». Разве мог Садриддин не откликнуться на это приглашение? Ему даже льстило, что Шарифджан-махтум, один из образован¬нейших людей своего времени, видит в нем, в Садриддине, достойного собеседника, способного скрасить его пребывание в далекой провинции.
— Честно говоря, Садриддин, только здесь я смог по-настоящему понять, как много значит для меня Бухара, — признался Шарифджан-махтум вечером, когда они прогуливались по саду. — Как мало ценил я в Бухаре возможность общаться с образованными, умными, тонко чувствующими людьми. Иной раз хотелось уединиться, побыть одному. Здесь я понял, как нелегко переносить одиночество. Среди чиновников бека есть образованные люди, но, откровенно говоря, я им не доверяю. Их заботит лишь карьера. Путешествовать я не охотник, вот и сижу в одиночестве в четырех стенах. Впрочем, я несправедлив. Есть здесь один умный человек. Окончил Мир-Арап, любит поэзию. Какого бы поэта я не вспомнил, он мог тотчас прочитать его стихи. Когда я приехал, он был писарем казиата. Это был

порядочный и прямой человек, а мало кому из сильных мира сего нравится, когда им говорят правду в лицо. Бек приказал избавиться от него, видимо, пообещал кому-то. Отказать беку значило сразу же испортить с ним отношения, я не мог этого себе позволить. А сейчас мне порой очень не хватает этого человека, его острого, порой даже злого ума, прямоты его суждений.

— Он уехал отсюда?

— Да нет, куда он может уехать. Говорят, поселился в селе, обзавелся клочком земли. Обстановка здесь такова, что навестить его я не могу, это вызвало бы много ненужных пересудов. Несколько раз я посылал ему приглашения, но он так и не посетил меня.

— Наверное, обижен.

— Возможно. Хотя я переговорил с ним перед тем, как уволить, и он, кажется, понял мое положение. Я думаю, что он обижен не на меня, а на весь мир. Когда слушаешь его рассказы о жизни, кажется будто читаешь полное страданий повествование Ахмеда Каллы. Слушать его приятно, он хорошо знает фарси, у него правильная, красивая речь.

— А что, если все же навестить его?

— Он беден, и, если мы нагрянем к нему незванными, вряд ли сумеет достойно нас принять. Он человек гордый, и это несомненно причинит ему боль. Бог дает людям возмож¬ность, но если они не умеют ей воспользоваться — проклинает. Увы, Бабыр Хайит-оглы один из таких проклятых богом. За то время, что он проработал в казиате, другой стал бы богачем, а он так ничего и не нажил.

Они просидели до глубокой ночи, вспоминая знакомых, читая стихи. На другой день Садриддин проснулся в полдень. Долго лежал, не открывая глаз, вспоминая чудесный вечер в обществе Шарифджана-махтума. Помолился о том, чтобы таких людей было побольше. Ради такого человека можно было даже пешком прийти из Бухары в Керки, и далекий путь при этом показался бы короче, чем десяток шагов до дома неприятного соседа. Шарифджан-махтум утверждает, что в керкинской крепости нет человека, с которым можно откровенно поговорить, отвести душу.

А разве в самой Бухаре их много?..
Только в первый вечер удалось побыть им вдвоем. Потом по крепости разнесся слух, что к казы приехал поэт из Бухары, и посыпались приглашения. Каждый день они посещали новый дом, но эти визиты мало чем отличались один от другого. Садриддин в гостях говорил мало. Откровенно говоря, до него и очередь не доходила…

Вернувшись от Хекима-пальвана Садриддин застал своего благодетеля в радостном возбуждении.
— Угадай, кто ко мне приходил?!
Садриддин пожал плечами.
— Бабыр Хайит!.. Я его едва узнал: загорел, стал совсем черным, и в плечах раздался: кетмень — это тебе не перо! Прослышал о твоем приезде. Хочет познакомиться, услышать твои стихи. Сказал, что завтра зарежет барана…
— Барана зачем резать? У него-то, небось, всего один. Для нас зарежет, а сам потом голодать будет?
Шарифджан-махтум развел руками.
— Увы, мой друг, но у всех бедняков такой характер, именно поэтому им не удается разбогатеть, — сказал он и почему-то рассмеялся.
На другой день с утра, чтобы скоротать время, Садриддин отправился побродить по базару. Товары его интересовали мало, зато люди — о, сколько вокруг разнообразных типов, неповторимых характеров! Вот человек с рваным ухом. Интересно, за что его так? Скорей всего, украл что-нибудь. Садриддин представил, что было бы, если бы так наказывали всех воров. Пожалуй, здесь, на базаре, нашлось бы немного людей с целыми ушами.
— Отстань! У меня же не десять рук…
Визгливый, раздраженный голос принадлежал Мирзо Ахмаду. Писарь что-то быстро писал, по-птичьи склонив голову набок, глаза его от усердия были выпучены, он походил на маленького сыча. Теперь он ничуть не напоминал того робкого, испуганного, заискивающего человека, с которым Садриддин познакомился в первый день по приезду в Керки.

— Эй, люди, слушайте и не говорите, что не слышали!..
Толпа подхватила Садриддина, и он, не в силах сопротивляться ей, покорно отправился туда, откуда доносился этот призывный голос.
На возвышении в центре базара стоял худой и длинный, как жердь, глашатай, а рядом с ним, склонив головы, трое мужчин с веревками на шее. Одежда на них была изорвана, лица избиты в кровь. Мухы облепили кровоточащие ссадины. За спиной у них стояли нукеры с равнодушными, тупыми лицами.
— Слушайте и не говорите, что не слышали!.. Остере¬гайтесь этих троих. Это воры. Запомните их, расскажите о них своим домашним, родным и знакомым. Это — Торе оглы из села Чекир, — глашатай потянул за веревку, заставляя выйти вперед голого по пояс человека, чье багрово-синее от побоев тело было обмотано верблюжьей колючкой. — Он украл у своего соседа курицу.
Как устроена жизнь! Она заставляет человека пройти через тысячи испытаний. Так неужели все сводится к одному: разбогатеть, не знать ни в чем нужды? Пучеглазый сыч, имя которому Богатство, сколько рук тянется к тебе, сколько людей мечтает завладеть тобой. Всех ты манишь, да не каждому даешься. Предпочитаешь таких, как сам, злых, хитрых и завистливых. В доме у них ты сможешь сытно есть и сладко дремать, а в хижине бедняка не будет тебе покоя. Невидимый, ты паришь над этим базаром, заставляя одних горевать и плакать, а других — смеяться и радоваться. Трех воров ты чуть ли не в землю загнал, ты заставляешь глашатая надрываться, а вот с Мирзо Ахмадом ты подружился — не потому ли он стал обликом походить на ночную птицу?
Садриддин пытался сочинить стихотворение, но сегодня почему-то строки не складывались. Он никак не мог сосредоточиться и знал почему: он ждал предстоящего знакомства с Бабыром Хайитом.
Однако дома его ожидало разочарование. Он застал Шарифджана-махтума одетым по-домашнему. Вероятно, он не сумел скрыть своего удивления, потому что казы сказал:
— Садриддин, я подумал и решил, что мы не можем принять приглашение Бабыра. В крепости только и ищут повода посудачить. Ты даже представить не можешь, что выдумают, если

мы поедем в гости к этому бедолаге. Нет, нет, это исключено. К тому же нас сегодня пригласил к себе ишан. Мы не можем обидеть его.
И вдруг заговорил с болью в голосе.
— Что за странные существа — люди? Отчего такое значение придают словам? Скажи мне, Садриддин, почему из-за какого-то одного слова человек может убить себе подобного, загубить чужую жизнь и свою душу? Сегодня мне донесли, что Хеким-пальван убил какого-то дайханина только за то, что тот неучтиво говорил с ним в твоем присутствии. Теперь родственники этого старика жаждут мщения. Я ужасаюсь от одной мысли о том, сколько людей теперь погибнет, сколько крови прольется. Увы, Садриддин, я бессилен что-либо изменить: в этом краю люди в конце концов истребят друг друга, — Шарифджан-махтум тяжело вздохнул. — Помоги мне отвлечься от печальных мыслей, Садриддин-джан. Прочти-ка мне что-нибудь из Бидули…
Садриддин слушал Шарифджана-махтума, а в голове у него почему-то звучали слова, которые он услышал в первый день: «Раз вы объяснились, в знак примирения пожмите друг другу руки. Пожмите так, словно ничего между вами не было. Э-э, нет, так не годится. Вот, это другое дело! А я положу свою ладонь поверх ваших рук. И не ссорьтесь впредь. Стоит ли завистью и неприязнью омрачать счастливые дни, отпущенные нам Аллахом…»

Пробыв в Керки десять дней, Садриддин отправился в обратный путь. Дорога его лежала через Керкичи, и Шарифджан-махтум, выказывая уважение, проводил его до переправы. Они шли пешком, молча, словно все важное было уже сказано. Почему-то и окрестности, и добрую половину небосклона затянуло черным дымом. Садриддину подумалось, что это дым костра, на котором Бабыр Хайит жарит своего единственного барана.
Он не мог отделаться от чувства, что что-то очень важное, значительное оставил здесь, в крепости, затерянной на окраине эмирата. А вот что именно, этого Садриддин вспомнить не мог.

1986 г.

Осман Оде. Hekaýalar